

3 - АПР 41

Лермонтов-драматург

К СТОЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ

Из всего литературного наследия Лермонтова менее всего изучена его драматургия. Доорыские и буржуазные литературоведы в течение ряда десятилетий утверждали, что Лермонтов велик, как поэт, как автор «Героя нашего времени», но что драматургия Лермонтова — незрелая и неполноценная.

Взгляд этот глубоко ошибочен. В драмах М. Ю. Лермонтова — подлинная правда любви и ненависти одного из самых свободолюбивых поэтов в мире.

«Бурями страстей» отмечены все драматургические произведения поэта: «Люди и страсти», «Странный человек», «Два брата», «Испанцы», «Маскарад».

Знакомство с ранними драмами невольно заставляет вспомнить «эпоху бури и натиска», провести аналогию между первыми драмами Шиллера и драмами Лермонтова. Никакого подражания Шиллеру нет, но его влияние на Лермонтова несомненно.

Стоит только вспомнить пламенный монолог Карла Моора («Разбойники») и сравнить первые две драмы поэта. В мыслях Юрия Волина и Владимира Арбенина мы видим то же презрение к людям, окружающим их, к светскому обществу. Юрий Волин, Владимир Арбенин, Фернандо («Испанцы») — люди, не мирящиеся с господствующими порядками и обычаями. Им тесно и в Испании с ее святейшей инквизицией и в России Николая I, «стране рабов, стране господ».

Первые три драмы Лермонтова — не только «романтические бредни», юношеские наброски, — в них мы читаем и слышим пламенный протест против угнетения, против крепостного права, деспотизма, общественного неравенства.

Возьмем одну сцену из «Странного человека», которая познакомит читателя со взглядами Лермонтова на помещичий произвол и положение крестьян.

«Седой мужик. Раз как-то барыня до-

несли, что, дескать, Федька дурно про тебя говорит и хочет в городе жаловаться. А Федька мужик был славной. Вот она и приказала ему руки вывертывать на станке... А управитель был на него сердит.

Как повели его на барский двор, депти кричали, жена плакала... Вот стали руки вывертывать, вывертывали, да сломали. Федька и стал безрукой. На печке лежит да клянет свое рожденье.

Белинский. Да что, в самом деле, кто-нибудь из соседей, или исправник, или городничий не подадут на нее. На это есть у нас суд. Валшей госпоже плохо может быть.

Седой мужик. Где защитники у бедных людей? У барыни же все судьи подкуплены нашим же оброком!».

Приведенное место свидетельствует о реалистической силе протеста юноши-драматурга. Все три вышеупомянутых драмы были напечатаны только через полвека после их написания.

К театру же Лермонтов стремился настойчиво, считал его трибуной. Эта настойчивость видна из попыток добиться постановки «Маскарада», самого совершенного из всех драматургических произведений поэта.

Однако цензура, особенно же всевластный шеф жандармов Бенкендорф, наложили запрет на «Маскарад». Цензор доносил, что в драме... «мы находим дерзости против дам высшего общества. Нужно ли вводить отраву в семьи? Это более чем ужасно, это не имеет имени».

Желая видеть драму на сцене, Лермонтов переделывает конец и вновь представляет «Маскарад» в цензуру. «Нет больше отравления, все гнусности удалены», — докладывает цензор Ольденков. Но... «Маскарад» был опять запрещен.

Резкая критика на современные нравы, показ пустоты жизни светского Петербур-

га с его шлетнями, картежной игрой, интригами, разгулом низменных страстей, моральным упадком — вот в чем заключается причина запрещения «Маскарада».

Маска говорит Звездичу:

«Ты самолюбивый, злой, но слабый человек.

В тебе одном весь отразился век, Век нынешний, блестящий, но ничтожный».

Вот это-то ничтожество света и удалось Лермонтову показать с опромной силой убедительности. Весь высший свет — маскарад. Под масками — алчность, страсть к золоту, ничтожество мысли и чувства. Моральное состояние высшего общества после разгрома декабристов Лермонтов охарактеризовал «железными стаями, облитыми горечью и злобостью».

Арбенин, как и Чацкий, презирает окружающих его лиц. Его ядовитые эпиграммы напоминают эпиграммы Чацкого. Он сделал вывод, что жизнь — «пустая и глупая штука». Он охраняет свою свободу и независимость ядом. Арбенин — ярчайший романтический образ в русской драматургии.

«Маскарад» — историческая картина, полная глубокого социального смысла. Он завершил путь Лермонтова к театру. Запрещение «Маскарада» показало поэту, что трибуна театра для него закрыта навсегда.

«Маскарад» в советскую эпоху стал желанным гостем ряда лучших театров страны. Гражданский пафос, неуязвимая свежесть стиха влекут к себе советского зрителя. Вот почему можно искренне пожелать удачи Магнитогорскому театру, наметившему в своем репертуарном плане постановку «Маскарада». Будем надеяться, что коллектив драмтеатра создаст спектакль, достойный великого Лермонтова.

С. ЩУЛЕПНИКОВ,
педагог 31-й школы.